

лучший фантастический журнал Европы 2004!

реальность фантастики

МАЙ 2005

МИХАИЛ БАБКИН
ЗИЛНЕР Г. ДВОРАК
ГЕНАДИЙ ПРАЩЕВИЧ
ДМИТРИЙ ВОЛОДЬКИН

Вторжение гоблинов

Дмитрий Володихин

Маяк Хааргад

«Автор»

Володихин Д. М.

Маяк Хааргад / Д. М. Володихин — «Автор», — (Вторжение
гоблинов)

© Володихин Д. М.

© Автор

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Володихин Маяк Хааргад

...он плыл на лодке по кружеву каналов, а за рулевым веслом стояло призрачное существо, состоящее, кажется, из белесых нитей, то сходящихся в орнаменты, древние, как юность преисподней, то сплетающихся в узлы, то расходящихся во все стороны, подобно колосьям в верхней части снопа. Легкая рябь тревожила лицо воды, принявшей сегодня изумрудный оттенок. Впрочем, вода в каналах вечного города Самат девственно чиста, вне зависимости от того, черна ее поверхность или посверкивает плавленным золотом, свинец ли, небесная ли лазурь или же молодая трава растворены в ее изменчивом наряде... Ее можно пить, зачерпнув ладонью, и всякий раз почувствуешь новый вкус: там был родник, тут – талый снег, а ближе к сердцу города встречаются места, где за бортом плещется легкое вино. Как знать, не молочные ли потоки омывают кисельные набережные Цитадели? – Туда он еще ни разу не заплывал... А здесь напиток в его ладони обращался простой, но изысканной сладостью горного ключа. Вода в канале была столь прозрачной, что в отблесках вечного заката, пляшущих на волнах, он мог разглядеть дно, устланное белыми и красными квадратами в шахматном порядке; по мраморным плитам тут и там неведомый архитектор рассыпал золотые монеты и крупные шарики жемчуга. Канал неглубок: человеку среднего роста тут будет по грудь. Но никто почему-то не осмеливался потревожить спящее на дне сокровище.

Ему нравились кварталы, окружающие Истинную Обсерваторию на маяке Хааргад.

– Площадь Серебряных Слез, – объявил перевозчик.

Полушепот, в котором слышится, как где-то в отдалении перекатываются по тонкой деревянной доске маленькие каменные шарики, кубики, конусы, пирамидки... Первозчик никогда не говорил громко; впрочем, здесь никто не имеет привычки повышать голос, гоготать или сквернословить. Это – город Тишины, теплого камня и холодного света.

– У таверны «Мистраль», – сказал он перевозчику.

Лодка тюкнула пристань скулой. Лодочник обмотал цепь вокруг кнехта, выточенного из горного хрусталя.

Он покинул суденышко и взошел на набережную по ступенькам светло-желтого камня; нижние уходили под воду, а верхние упирались в брусчатку мостовой. Прямо перед ним дородная хозяйка в белом переднике и белом же чепце, улыбаясь, распахнула дверь таверны.

– Мы ждали вас, благородный господин.

В таверне было не намного теплее, чем на улице. В городе стоит вечный ноябрь. Не тот хорошо знакомый ему вьюжный, обжигающий ледяными ветрами ноябрь, а его младший брат: ноябрь-нежная-тоска, ноябрь-предупреждение, без малого ноябрь-поздняя-любовь. По городским набережным гуляет сумеречный холодок. Он приводит местных и гостей в бодрое состояние духа, но не пытается забираться в складки их одежд и докучать их телам стылыми пальчиками. Здесь свежо, но не морозно. Тут и там на гранитных постаментах покоятся огромные медные цветы; из их тычинок вырываются синеватые языки пламени, чтобы потом вяло растечься по лепесткам. Этот огонь никого не греет и ничего не освещает, он покидает толщу камня лишь ради совершенной красоты города. Здесь не бывает стужи, и не бывает лета, поскольку на смену вечному ноябрю никогда не придет декабрь, вслед за ним никогда не родится январь, а значит, и весь год. Город и вся провинция Багнадоф не ведают ночи, но точно так же не знают и дня. От основания Цитадели до Скончания времен, невидимого за

пеленой здешней тишины и неподвижности, закатный час властвует над водой, камнем, огнем и жизнью существ, населяющих Самат.

...Он сделал жест, означающий «как всегда». Ему немедленно принесли фарфоровую чашку, полную горячего шоколада, кубок чистой воды и рюмку можжевелевой водки. Сев у окна, он предался созерцанию.

Небо Самата тысячелетиями хранит последний отблеск утонувшего в дальних кварталах солнца. Дневное светило оставило небесному своду легкое, воздушное золото, в то время как светило ночное едва проступает сквозь солнечную взвесь. Полупрозрачный талер день за днем приближается к полнолунию, но ему вечно не хватает нескольких часов...

Напротив, через канал от таверны, возвышается палаццо старинной постройки, сложенный из грубо обтесанных блоков, с зубчатой стеной, скрывавшей сад, узкими окнами-бойницами и граненым цоколем. Слева от него – фривольного нрава особнячок: стрельчатые окошки, стены, прихотливо отделанные каменной резьбой и увитые плющом, целый букет декоративных башенок, разбросанных тут и там, словно игрушки по детской. Справа – строгий дом в голландском стиле. Второй этаж нависает над каналом, двускатная черепичная крыша исторгла нагло-высокую дымовую трубу, словно хозяин дома надеялся дотянуться до небес второй вавилонской башней, а если не получится, то хотя бы подкоптить облака... Темно-рыжий кирпич, фигурные решетки на окнах, сразу от входной двери начинается длинная узкая лестница на второй этаж.

В городе не было ни единого дома, похожего на другой. В то же время, Самат столь огромен, что занимает целый мир – всю провинцию Багнадоф, кроме Цитадели-на-шести-островах, лежащей точно в центре внутреннего озера...

Под окном прошел отряд городской стражи с серебряными топориками на длинных рукоятках.

В таверне масляный запах кухни перебивается запахом сушеных трав, подвешенных пучками под потолком. К аромату почти аптекарскому добавляются предательские нотки мастики, которой натерты полы, да еще доброго кофе. Тяжелые дубовые кресла обиты черным бархатом с серебряной монограммой Симмаархаала Нэга – лорда-демона, покровительствующего этому кварталу Самата. На стенах красуются переплеты старинных книг, надетые на глиняные плиты. Столы отгородились от гостей заведения белыми скатертями с пышными гербами несуществующих стран и городов. На каждом столе – маленький терракотовый светильник и книга, переплетенная зеленоватой кожей горгульи; по внешней видимости дорогая и таинственная, книга не скрывает ничего, кроме засушенных цветов между пустыми пожелтевшими страницами.

Можжевелевая водка ужалила гортань. Жар ее медленно распространялся по телу и, наконец, добрался до желудка. Вода из кубка смягчила жжение.

Разные места города соответствовали разным настроениям и переживаниям посетителя таверны. Здесь он любил впускать в свое сердце отчаяние.

Что он такое? Человек, лишенный сильного дарования. К сорока пяти годам он нигде и ни в чем не достиг вершины. Не заработал больших денег. Не испытал вдохновения. Не завел детей. Не приобрел звенящей славы, но лишь глухое и убогое «доброе имя». Отдав себя тайной науке, он и здесь не преуспел, вечно добиваясь вторых ролей, но не смея претендовать на первые... Слабый маг. Почти профан, плещущийся на отмелях великой каббалы. Единственным его успехом стало открытие верного пути сюда, в Самат. Открытие, совершенное почти случайно, на пути к иной цели. Да, он может бывать здесь, он получил возможность пользоваться всеми благами Провинции, но так не может длиться вечно. Еще двадцать лет, ну, тридцать – если повезет – и его путь земной окончится. Тогда его душу заберут, и она со свистом пронесется мимо благословенного мира Багнадоф вниз, вниз, к чертогам боли.

Вот она, суть ловушки: некоторым людям позволено здесь бывать, и местные жители относятся к пришельцам извне почтительно; однако ни одному человеку нельзя остаться здесь

навсегда. Только существа, по рождению своему избавленные от души, могут заработать право на дом и вечный приют в Самате...

Шоколад здесь готовят отменно. Нигде в Срединном мире он не пробовал такого шоколада. Попросить взбитых сливок? Нет, ни в коем случае. Это будет очевидным преступлением против эстетики места сего.

Отчаяние мерзлой горошиной каталось по его сознанию. Но в конце концов он замкнул ледяной шарик в клетке покоя. Он – сильный человек. Он знает, что в жизни существуют вещи, которые никто не в состоянии исправить. Над собственными слабостями следует возвыситься, их следует мысленно прожить и прочувствовать до самого дна, до тех трюмов, где старинные страхи лежат пластами и смердят. Тогда перестаешь бояться.

Отчасти.

А в сущности, так ли уж все худо? Двадцать лет – много. Тридцать лет – невероятно много. Наслаждайся тем, что получил, пока не утратишь воли, здоровья или рассудка... Ведь таков смысл игры в жизнь, не так ли?

Он присмотрелся к публике, сидевшей за столами.

Таверна «Мистраль» никогда не пользовалась шумной славой. Это тихое место для немногих. Впрочем, все кварталы, примыкающие к маяку Хааргад, – пристанище спокойных существ, эстетов и умников, чуждающихся больших компаний, драк, чувственных наслаждений в гомерических дозах, а также излишеств любого рода. Эта область вечного города представляет собой приют мудрецов... Говорят, площадь Пенных роз и Большой Красный канал собирают гурманов и распутников со всех концов Самата, а к Театру Колесниц сходятся лучшие бойцы, чтобы померяться силой. Но ни ему, ни любому другому завсегдаю «Мистралья» нет никакого дела до площади Пенных роз, Большого Красного канала и Театра Колесниц.

Вот лунный ратник, давший когда-то обет не снимать лат нигде, кроме дома, и сейчас скрывающий ослепительное сияние радужной брони под тяжелым темно-зеленым плащом. Над плащом горделиво возвышается орлиная голова с чудовищным крючковатым клювом. Глаза его затянуты мутной пленкой, в неподвижности он предается размышлениям. Перед ратником стоит кубок с вином, но воин к нему не притрагивается. Рядом с кубком лежит обнаженный меч, познавший вкус крови разных цветов.

Вот девушка с распущенными седыми волосами ест рыбу, больше похожую на змею. Половина лица незнакомки сверкает чистым золотом, а другая половина алеет, подобно молодой крови, бегущей из рассеченной артерии; ровная граница алого и золотого делит надвое лоб, нос, губы, подбородок и спускается вниз, ныряя в разрез платья. Девушка одета в черное, и бусы черного жемчуга беспощадно сжимают ее горло. На левой щеке красуется татуировка: знак треф. Это означает, что в Срединном мире ей не суждено появляться в человекоподобном облики; а та форма, которую принимает ее тело, восходя к людям, более всего удобна для уничтожения некоторых редких, можно сказать, экзотических существ.

Вот юный паж в малиновом берете с пером цапли и сером камзоле, шитом серебряной нитью. Ухоженные кудри цвета ночной реки в продуманном беспорядке разметаны по плечам. Оливковые глаза, по-детски пухлые губы, первоснежная кожа, тонкие длинные пальцы, больше привыкшие к лютне, чем к оружию, – мало кто способен противостоять обаянию его изысканной невинности. Юноша рассеянно вертит рюмку с ликером, улыбаясь собственным мыслям. Он не читает стихи, он не поет, и это спасительно для многих посетителей таверны, поскольку существо, скрытое в плоти пажа, без малого шестьсот лет питается чужими страстями и чужим безумием, разжигая их волшебным голосом своим.

Вот за дальним столом у окна двое ведут деловой разговор. На одном из них – старом, ослепительно лысом, тонкогубом человеке с изуродованной, трехпалой рукой – одежда гостя. А значит, он маг из Срединного мира, того же поля ягода, что и последний гость таверны. Каждый, кто способен пройти сквозь каменное жерло и выйти в город Самат через Портал

Чужих Снов, вступает на землю Провинции в длинном серебристом балахоне на голое тело. Это немного напоминает наряд грустного клоуна Пьеро. Безымянный маг ни разу не делал попыток познакомиться, и, следовательно, не стоило навязывать ему свое общество. Здесь так не принято. Вообще, правила этого мира сами проникают в сознание, и если тут нечто считается непозволительным, то даже мысли не возникает, – почему? Да потому что нарушение будет стоить дорого, вот и всё...

Вот его собеседник, ни в малой степени не похожий на человека. Непонятно, чем он производит звуки человеческой речи, а ведь маг отлично его понимает! Больше всего он похож на огромный целлофановый пакет, наполненный прозрачной маслянистой жидкостью, осколками керамических цветочных горшков, тоненькими палочками и маленькими блестящими чешуйками. Где у него рот? Где у него уши? Существо испускает слабое сияние, тяжело ворочается в кресле, иногда по его поверхности проходит быстрая волна ряби. Хм. Любопытно. Это не может быть истинным обликом. Иллюзия, обманка. Если умеешь подстраивать зрение, обязательно разглядишь внутреннюю суть... ну-ка... конечно!.. расплывается вся эта целофанная бутафория, расплывается... и... и... девица. Худенькая, рогатенькая, голенькая. Очень приятно.

А это что за...

Странная двоица загораживала стол в самом дальнем углу, по соседству с дверью на кухню. Кажется, там тоже кто-то сидит. Она? Она?? И с ней... кажется... кто-то еще... какой-то... безобразный уродец агрессивного вида... странно, таких не пускают в Самат, таким нечего делать в самом прекрасном городе вселенной... Или... нет. Нет. Просто тень необычной конфигурации, зазубренная, двоящаяся... никого там больше нет. Но она-то как здесь оказалась? Невозможно!

Ни при каких обстоятельствах она не могла сюда попасть, да она вообще никуда не могла попасть! С каких это пор видения, чистые порождения фантазии обрели способность к жизни?

Знания, полученные гостем таверны «Мистраль» за двенадцать лет усердных занятий тайной наукой, говорили: «Вот магия, а вот бред. Следует четко различать, что реально».

Боль, ужас, жертвы – это было ему понятно. Но бред, ставший частью реальности? Увольте.

Черноволоса. Волосы – чистая тьма, как бывает чистым золото или серебро. Длинные, прямые, свободные от шпилек, заколок и прочих оскорбительных нелепостей, они сбегали ночным ручьем до пояса.

Смугла. Такой оттенок кожи белой женщине загар даровать не способен, он рождается только тогда, когда твердая сила полуночных земель смешивает кровь с преступной яростью полдня. Человек с подобной кожей способен придать пороку величие в глазах простецов.

Желтоглаза. Но в этой желтизне очень мало жаркого кошачьего солнца и много студенной волчьей луны... Два стылых лунных огня поселились в ее очах.

Тонка. В ней нет ничего простого, ничего, связанного с обилием и щедростью жизни. Полночь и водяной демон иногда зачинают красавиц, жестоких на ложе, томных в полуденный час, хладнокровных и высокомерных. Они похожи на прекрасные хищные цветы и по рождению своему входят в высший свет Ночи, аристократию Тьмы.

Вот уже тысячу лет, как ей двадцать пять.

На ней было платье из кофейного шелка, лишенное разреза на груди и опускавшееся до пят; длинные рукава оставляли открытыми только ладони. Ей ни к чему обнажать лишний миллиметр тела, она и без того способна взять в плен чей угодно взгляд. На ее левом плече он разглядел золотую брошь-заколку в форме буквы «рэш», подаренную им пять лет назад...

– Эльхона... Эльхона!

Все, кому случилось быть в таверне в тот час, немедленно повернулись на голос последнего ее гостя. Слишком громко, слишком неуместно звучал он в этих стенах. Высокий рисо-

волосый мужчина в серебристом одеянии вскочил с места и быстрыми шагами направился в дальний угол заведения, забыв о нормах приличия и о собственной репутации.

– Эльхона!

Кажется, она улыбнулась...

Эта женщина давным-давно, когда он еще был никем, понятия не имел о великих тайнах каббалы и тайной науки, прилежно учился на юриста и, мучаясь пустой амбицией тщеславного ума, писал статейки в студенческий сборник, явилась к нему. Ворочаясь на постели от бессонницы, он просто почувствовал: в комнате кто-то есть, кроме него. Рядом. На расстоянии вытянутой руки. Он заставил себя открыть глаза и в первый раз увидел ее. В его спальне оказалось больше света, чем положено быть при выключенной лампе, посреди ночи, в городе средней полосы. Она сидела у него в ногах, на постели. В тусклом, сумеречном освещении, взявшемся неведомо откуда, он мог разглядеть ее лицо, руки и – чуть хуже – все ее тело, затаенное в столь же глухой, как и сейчас, в таверне «Мистраль», облегающий костюм. Она показалась ему губительно привлекательной, и только по этой причине он не закричал и не бросился вон из комнаты. Незнакомка заговорила с ним ласково. Кто она? Существо с тонкого плана снов. Что она? Призрак, иногда обретающий иллюзию плотского существования. Зачем она здесь? Порой создания из мира высоких смыслов не могут преодолеть влечения к простым смертным; она долго наблюдала за ним и решила предаться своему избраннику телом и душой; она будет нежна и покорна, если он решится ответить ей; она пойдет за ним на край света, ни в чем не помешает и не нарушит его планов; она готова стать живой вещью, приходящей по первому зову. Это были те слова, о которых в тайне мечтает каждый мужчина, слова, наверняка достигающие уязвимого места в душе и бьющие без промаха. Он желал ее; он почти любил ее. Не мудрствуя лукаво и не слушая воплей рассудка об опасности, которая, быть может, исходит от незнакомки, он посвятил ту ночь неистовой плотской любви. Под утро эфирная женщина подарила ему свое имя – Эльхона – и, попрощавшись поцелуем, исчезла. Через несколько секунд он проснулся и почувствовал между ног скрученное винтом одеяло. «Какая только чушь не приснится!» – сказал он себе. Но «чушь» явилась на следующую ночь, еще раз, еще, еще и еще... Каким-то чудом ему удавалось выспаться, и ночные часы, проведенные в любовной схватке, никак не сказывались на дневном его состоянии. Он не был влюблен в нее по-настоящему и даже не привязался к ней как следует. Вещью стала она, и, пожалуй, наибольшее удовольствие он получал от сознания собственного превосходства, а не от ее ласк. С годами Эльхона стала появляться реже. Она жаловалась на собственное несовершенство: существа ее природы, не всегда могут оказываться там, где хотят, и не всегда способны удерживать человекоподобный облик... От этих слов он, помнится, когда-то оторопел, но Эльхона пояснила: в иное время она похожа на отражение луны в зеркале или просто невидима; ничего ужасного, никакой связи с грубой киношной нечистью. Она же посоветовала ему: «Когда я не смогу приходить к тебе, ты попробуй прийти ко мне иной дорогой. Если захочешь видеть меня, попробуй знания тайные, недоступные простецам... Я укажу тебе достойного учителя». Как ни странно, теряя Эльхону, он воспламенился и стал жаждать ее со страстью и тоской, никогда не утоляя своих желаний до конца. А она отдавала себя с той же беззаветной преданностью и любовью, как и в первые дни их странного романа, но – нестерпимо редко. В последний раз он подарил ей ту брошь, получил почти все, чего хотел, но только не последний глоток – его всегда не хватало. С тех пор он не видел Эльхону. Пробовал забыть ее с другими женщинами, женился и... немедленно развелся. Разве может простая женщина из плоти и крови сравниться с существом, сотканным из снов, мечтаний и тайных слабостей?! А его магической силы не хватало, чтобы пробиться к ней. В его дни каждый второй занимается тайной наукой, но девять из десяти слабы: дар несокрушимой мощи дается ничтожному числу адептов... Когда он попытался вызвать Эльхону, на зов никто не явился. А когда попробовал поискать ее в местах, не предназначенных для жизни людей, то неизменно попадал в кошмарные, лишённые элементарной логики простран-

ства, где, в большинстве случаев, даже не имел возможности передвигаться. Случайно отыскал Самат и застрял здесь, пораженный красотой города, но еще того более – его созвучностью собственному душевному состоянию. Эльхона постепенно расплывалась в стынущем мареве памяти; он усомнился в необходимости продолжать поиски. Пойди, поймай собственный сон! Благо, если он просто убегает от тебя: сны часто убегают от своих родителей; хуже, когда суть экзотичной грезы остается под вопросом. Было ли на самом деле нечто осязаемое, или его полжизни преследовало желание обладать чем-то необычным, да одеяло, стиснутое бедрами? Охота на женщину-видение почти прекратилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.